

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Прибытие	5
Глава вторая. Первое маленькое задание	30
Глава третья. Эпидемия и бегство деревенских	51
Глава четвертая. Блокада.	64
Глава пятая. Солидарность брошенных.	83
Глава шестая. Любовь	104
Глава седьмая. Охота и праздник в снегу	118
Глава восьмая. Внезапная вспышка болезни и паника	137
Глава девятая. Возвращение жителей деревни и убийство солдата	156
Глава десятая. Суд и изгнание	175

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИБЫТИЕ

Ночью двое наших ребят сбежали, поэтому утреннее отправление задерживалось. Чтобы убить несколько часов ожидания, в слабых лучах утреннего солнца мы сушили жесткие зеленые куртки, которые не высохли за ночь, разглядывали тропинку за низкой живой изгородью, на которой росли деревья инжира, а еще желтоватую реку. От вчерашнего ливня тропинка словно бы раскололась, по резко очерченным трещинам текла прозрачная вода. Река, вышедшая из берегов от дождя, талого снега и воды из прорвавшегося водохранилища, вздыбилась и со свирепым грохотом несла трупы собак, кошек и крыс.

На тропинке столпились деревенские женщины и дети, в их взглядах смешались любопытство, смущение и бесцеремонность, они то и дело перешептывались, после чего внезапно разражались громким смехом. Это раздражало. Для них мы были чужаками.

Несколько ребят из наших подошли к изгороди и, спустив штаны, вытащили маленькие красноватые пенисы, похожие на абрикос, демонстрируя их деревенским. По ту сторону гоготали дети. Протиснувшаяся вперед женщина средних лет посмотрела на ребят, скривив губы, после чего покраснела, рассмеялась и стала описывать своим соседкам с младенцами на руках увиденное. Это развлечение мы повторяли из раза в раз во многих деревнях, и нам уже надоела преувеличенная реакция крестьянок при виде пенисов, обрезанных, как и полагалось, у всех мальчишек в исправительных колониях.

Мы решили не обращать внимания на жителей деревни, которые стояли за изгородью и пялились на нас. Кто-то из наших ходил вдоль изгороди, как зверь в клетке, кто-то сидел на высушенных солнцем ступеньках и смотрел на блеклые тени листьев на темно-коричневой земле, кончиками пальцев описывая их синеватые контуры. И только мой младший брат внимательно рассматривал деревенских, всем телом навалившись на мокрые от росы жесткие листья камелии на живой изгороди, так что у него уже намочила куртка на груди. Для моего брата жители деревни были чужаками, вызывающими любопытство. Время от времени он подбегал ко мне и, не в силах сдержать впечатление, горячо дышал в ухо и нашептывал, какие у детей загноившиеся глаза и потрескавшиеся губы, какие почерневшие и изуродованные от работы на полях пальцы у местных женщин. Зная о пристальных взглядах окружающих, я гордился нежным розовым румянцем на щеках брата и его ясными глазами.

.....

Но, тем не менее, чужакам, которых поймали, как редких диких зверей, стоило вести себя как нечто, не обладающее собственной волей или зрением, вроде камня, цветка или дерева, — существом, на которое можно только смотреть. Это было самым безопасным. Но мой брат упорствовал в своем желании рассматривать деревенских, за что женщины, открыв рот так, что был виден желтый язык, смачно плевали в него, а дети бросали камни. Однако брат с улыбкой вытаскивал из кармана большой носовой платок с вышивкой в виде птички, вытирал щеки и продолжал с восторгом рассматривать бранившихся на него жителей деревни. Его поведение говорило о том, что он просто не привык быть объектом наблюдения, зверем в клетке. Все остальные ребята к этому уже привыкли. К чему мы только не привыкли! Каждый день перед нами появлялись все новые препятствия, к которым нужно было приспособиться, рана тело и душу, и другого выхода, кроме как сталкиваться с ними, у нас не было.

Избиения до крови, после чего валяешься без сознания, — это было лишь базовой привычкой, с которой пришлось смириться еще в самом начале. Ребята, которых назначили в течение месяца кормить полицейских собак, каждое утро давали корм голодным псам, которые крепкими челюстями кусали их за пальцы. После чего мальчишки обезображенными от укусов пальцами выцарапывали на стенах и изголовьях кроватей неприличные картинки. Но что-то по-настоящему екнуло

в сердце, когда двое наших беглецов вернулись вместе, следуя за патрульным и надзирателем. Их так избили, что они едва стояли на ногах.

Пока надзиратель и патрульный разговаривали, мы обступили наших храбрых товарищей, потерпевших неудачу. Разбитые губы были покрыты запекшейся кровью, вокруг глаз синяки, волосы слиплись от крови. Я достал из сумки спирт, промыл им раны и смазал их йодом. У того парня, что был старше и крепче, на внутренней стороне бедра был синяк от удара, когда он закатал штанину, чтобы показать нам, мы не знали, как это лечить.

— Я хотел ночью уйти в порт через лес, чтобы сесть на корабль и отправиться на юг, — с досадой пробормотал он.

Несмотря на напряжение, мы рассмеялись. Ведь он так рвался на юг, о чем всегда и говорил, поэтому мы так и называли его Минами*.

— Но тут крестьяне меня нашли и избили. А ведь я ни одной картофелины у них не украл. Обращаются с нами, как с хорьками.

От восхищения перед смелостью товарищей и злости на жестоких крестьян перехватывало дыхание.

— Мы почти добрались до дороги, ведущей в порт. Если бы смогли прицепиться к грузовику, то порт был уже совсем рядом.

— Да, — с трудом выговорил младший мальчик, — были уже совсем рядом.

---

* Минами — *яп.* «юг».

— Все потому, что у тебя живот разболелся, — сказал Минами, облизывая избитые губы.

— Да, — ответил бледный мальчик, страдающий от постоянной боли в животе, со стыдом склонив голову.

— Крестьяне тебя били? — спросил брат, сверкая глазами.

— Чего? Разве это можно назвать простым избиением? — произнес Минами со смесью гордости и презрения. — Они пытались всадить мне мотыги в задницу, аж пена изо рта шла, а я изо всех сил уворачивался.

— Ого! — с восторгом воскликнул мой брат. — Мотыгу в задницу?

После того, как патрульный разогнал толпу зевак по ту сторону изгороди и уехал, нас созвал надзиратель. Сначала он ударил Минами и его напарника по разбитым губам, отчего у них по подбородкам потекла свежая кровь, а затем сообщил, что сегодня они не получают никакой еды. Приговор оказался довольно щадящим, да и удар был не таким, какого ждешь от надзирателя. Между собой мы такие удары называли мужскими уроками, так что в нашей группе, включавшей и надзирателя, восстановился прежний баланс.

— И не пытайтесь больше сбежать, — рявкнул надзиратель, и в этот момент жилы на его молодой шее вздулись и покраснели. — В таких глухих деревнях крестьяне поймают вас еще до того, как вы доберетесь до города. Они ненавидят вас, как прокаженных. Поэтому убьют без колебаний. Отсюда вам сбежать сложнее, чем из тюрьмы.

Он был прав. Имея опыт стольких неудачных побегов во время перемещений между деревьями, мы поняли, что нас окружают гигантские стены. В деревьях мы были, словно заноза, вонзившаяся в кожу. Достаточно одного мгновения, и плоть, сдавившая нас со всех сторон, просто бы задушила. У деревенских была крепкая броня против чужаков, не только войти на их территорию, но даже пройти мимо было невозможно. Наша маленькая группа просто дрейфовала по морю, и при каждой попытке высадиться на берег нас отбрасывало назад.

— Это отличный способ держать вас в заточении. Война иногда бывает полезной, — заметил наш надзиратель, обнажив крепкие зубы. — Вот я не ударю Минами так, чтобы переломать ему передние зубы. А у крестьян отличные кулаки.

— Они били мотыгами, — усмехнулся Минами, — старичье с обвисшей кожей.

— Без разговорчиков! — гаркнул надзиратель. — Отправляемся через пять минут. К вечеру мы должны добраться до места назначения. Не поторопитесь — останетесь без жратвы. Так что живо!

С криками мы бросились к старому сараю для выращивания шелковичных червей, в котором останавливались на ночь, чтобы собрать вещи. Через пять минут все уже были готовы, но товарищ Минами по побегу со стоном блевал в углу живой изгороди бледно-розовой жижей. Ожидая, пока позывы рвоты не прекратятся, мы, выстроившись в ряд на тропинке, затаили песню нашей колонии, медленную, словно предназначенную для жен-

ского пения, откровенную, с длинным припевом, исполненным религиозной символики. Жители деревни окружили нас, изумленно плясая на пятнадцать поющих мальчиков, тощих от недоедания, в зеленых непромокаемых куртках. В груди кипели уже привычные чувства унижения и черной ярости.

После того как наш товарищ вернулся в строй после рвоты, громко шмыгая носом, мы быстро допели припев третьего куплета и, шаркая ногами в матерчатых ботинках, выдвинулись в путь.

Это было время убийств. Словно непрекращающееся наводнение, война вышла из берегов и теперь наполняла массовым безумием все вокруг: чувства людей, их тела, леса, дороги, небо. Молодой светловолосый летчик, сидевший в полупрозрачной кабине военного самолета с задраным вверх хвостом, яростно обстрелял двор старого кирпичного дома, в котором мы жили, внезапно спикировав с неба. На следующее утро, когда мы в самую рань отправились на работу и строем вышли из ворот, тело умершей от голода женщины, висевшее до того на колючей проволоке, рухнуло прямо под ноги нашего надзирателя. Почти каждую ночь, а иногда и днем, небо над городом освещали пожары от воздушных налетов или затягивал черный дым.

Стоит написать и о том, что во времена, когда повсюду буйствовали обезумевшие взрослые, в исправительные учреждения со странным энтузиазмом стали заключать тех, чья кожа была еще совсем гладкой или чуть тронутой каштановым пушком, стоило им совершить мелкое правонарушение или повести себя неподо-

бающим для своего возраста образом. Когда воздушные налеты усилились и начали проявляться симптомы смертельной опасности, заключенных подростков стали возвращать родителям. Хотя большинство семей так и не захотело забрать своих проблемных сыновей. Надзиратели учреждений, словно бы движимые навязчивым желанием сберечь свою добычу, стали планировать эвакуацию воспитанников исправительных учреждений в деревни.

За две недели до эвакуации семьям были отправлены письма с просьбой забрать подростков, дети находились в лихорадочном ожидании. Когда в первую неделю появился отец, в свое время и отправивший меня в исправительное заведение, он был в армейских ботинках и фуражке в сопровождении младшего брата. Увидев их, я был вне себя от радости. Однако, как оказалось, отец просто не нашел другого способа эвакуировать моего младшего брата и додумался привести сюда, чтобы его забрали вместе со мной. Я был горько разочарован. Когда отец ушел домой, мы с братом крепко обнялись.

Первые два-три дня после того, как мой брат присоединился к компании малолетних преступников и надел робу нашего заведения, он был вне себя от восторга и радости. В его глазах блестело чувство уважения к остальным товарищам, он постоянно заводил разговоры то с одним, то с другим, выпытывая подробности совершенных ими проступков. С наступлением ночи он забирался со мной под одеяло и обдумывал жестокий опыт, которым с ним поделились. Запомнив блестящие кровавые истории других, он с увлечением

стал придумывать собственные воображаемые преступления. Время от времени он подбегал ко мне и, краснея, рассказывал о своих фантазиях. Например, о том, как подбил девочке глаз из игрушечного пистолета с резиновыми пулями. В конце концов мой брат плавно, как вода, влился в жизнь нашей группы. Во времена массовых убийств и безумия дети, возможно, были единственными, кто сумел поддерживать солидарность. Когда две недели ожиданий и разочарований остались позади, наша группа вместе со мной и братом отправилась в странное путешествие, полное позора и гордости.

Мы отправились в путь. Нас выгнали за пределы нелепого ветхого оранжевого забора, окружавшего колонию. Но это не подарило нам свободы. Мы словно шли по проходу, соединяющему две пещеры. На смену оранжевому забору пришло множество новых надзирателей с мозолистыми крестьянскими руками. Степень свободы, которую мы получили во время нашего путешествия, была не больше той, которой мы наслаждались прежде. Единственное новое удовольствие, которое мы получили, выйдя наружу, это возможность поглазеть и поиздеваться над «чистыми» мальчиками, которые во множестве встречались нам на воле.

С самого начала мы многократно предпринимали попытки сбежать, но каждый раз в деревьях, лесах, реках и полях нас ловили горевшие злобой взрослые и притаскивали обратно в полуживом состоянии. Для нас, приехавших из далекого города, деревни были как толстая прозрачная резиновая стена. Стоило попытать-

ся вжаться в нее, как она изо всех сил выдавливала тебя обратно.

Если у нас и была хоть какая-то свобода, так это ходьба по деревенским дорогам, над которыми либо стояли тучи пыли, либо дорогу так развозило после дождя, что мы шли по щиколотку в грязи. А еще можно было выменять у деревенских немножко еды, когда наши надзиратели отдыхали в храмах или сараях по дороге. А еще можно было легкомысленно посвистеть вслед деревенским девчонкам, пусть и понимая безуспешность такого заигрывания для мальчишек в грязных робах.

Наше путешествие должно было продлиться неделю. Но поскольку переговоры между руководителем нашей колонии и старостами деревень, которые могли нас принять, постоянно срывались, мы шли уже третью неделю. В тот день мы надеялись дойти до последнего намеченного места — отдаленной деревни глубоко в горах. Если бы не беглецы, мы бы, наверное, уже добрались до места и сидели, наблюдая за совещанием нашего надзирателя и старосты деревни, или отдыхали, растянувшись на земле.

Оживление, вызванное беглецами, утихло, и теперь мы просто молча двигались вперед, наклонившись под тяжестью походных мешков за плечами. Не говоря уже о мальчике, стонавшем от боли в животе, большинство шло в плохом настроении, чувствуя все то же уныние, которое рождалось в груди и подкатывало к самому горлу.

Наше путешествие подходило к концу. Пока мы просто двигались в темноте, у нас по крайней мере был шанс попробовать совершить побег, пусть и обреченный на неудачу. Но мы двигались все глубже и глубже в горы, мне казалось, как только мы найдем деревню за горными долинами, которая приютит нас, то почувствуем себя зарытыми в глубокой яме, запертыми за толстыми стенами еще надежнее, чем когда нас впервые поместили за оранжевую ограду колонии. И тогда нам точно крышка. Множество деревень, которые мы прошли, в результате сомкнутся в плотное кольцо, из которого мы никогда не сможем вырваться.

Вероятно, причиной нашего общего уныния была неудачная попытка побега Минами и его товарища. Как и Минами, мы чувствовали обиду и сердились на мальчика, который сорвал побег, на который возлагали столько надежд, такой мелочью, как больной живот. Когда он стонал, мы свистели в знак безразличия, а кто-то даже бросал мелкие камешки в тощий зад больного.

И только мой брат продолжал утешать его, не обращая внимания на наш гнев, и расспрашивал Минами о подробностях побега. Однако свойственные брату восторг и жизнерадостность не могли развеять нависшее над всеми нами уныние. Но в конце концов и брат устал от ходьбы, поэтому наша группа просто двигалась вперед, опустив головы, в своих робах странной формы и цвета, не обращая внимания ни на крестьян с семьями, которые выбегали из домиков вдоль дороги, чтобы поглазеть на нас, ни на лающих собак. И лишь надзира-

тель, возглавлявший наше шествие, бодро вышагивал впереди, расправив плечи.

Если бы мы продолжали идти, как сейчас, бессильно повесив головы, то не добрались бы до места назначения сегодня, пусть даже и шли всю ночь напролет до самого рассвета. Но когда мы осторожно пересекли опасный мост, почти смытый наводнением, прошли по узкой дороге и оказались на широком шоссе, ведущем в соседнюю префектуру, то увидели большую группу военных — молодых бравых курсантов летного училища и вооруженных военных полицейских средних лет, стоявших в припаркованном рядом грузовике камуфляжной зеленой расцветки. Эта картина придавала нам бодрости, и мы с громкими возгласами побежали навстречу к ним.

Курсанты обернулись на наши крики, но ничего не ответили, по-прежнему стоя на месте. У них были короткие кортики, точеные линии скул, полуоткрытые рты и головы правильной формы на прямых спинах. Они выглядели прекрасно, как выдрессированные лошади. Мы шумной гурьбой подбежали совсем близко, но в метре от них остановились и стали разглядывать. Никто из нас не заговорил с ними, они тоже молчали с озабоченным выражением на лицах, как будто очень устали. Именно сейчас эти молодые, задумчиво молчащие солдаты, чьи нежные черты освещали косые лучи солнца, падающие сквозь листву роши на пологом холме, источали силу, могучую и манящую, словно запах тела. И эта сила ощущалась лучше, чем когда они корчевали сосны, чтобы получить густую, липкую и паху-

чую смолу, или гуляли по городу в парадной форме, болтая о всяких пустяках.

— Знаешь что, — прошептал Минами, придвинувшись ко мне так близко, что его губы почти прижимались к моему уху, — если бы кто-то захотел, я бы точно переспал, хотя бы за горсть сухарей.

В уголках его распухших губ скопилась слюна, он оглядел курсантов, после чего вздохнул.

— Когда меня поймали, я как раз был вот с таким же, — сказал Минами, и на его лице внезапно появилось выражение сожаления. — Разве можно назвать проституцией, когда продаешься за горсть сухарей?

— Они просто ловят гомосексуалистов. Даже если это не проституция, — ответил я.

— Хм, — рассеянно хмыкнул Минами и сделал шаг вперед, отодвигая товарищей в сторону, чтобы поближе рассмотреть тех, кто до заключения мог бы стать его клиентами.

Мой брат, внимательно прислушивавшийся к разговору между нашим надзирателем и военной полицией, повернулся и подбежал ко мне. От возбуждения его плечи подрагивали, и он заговорил с таким выражением, будто раскрывал мне важный секрет.

— У них дезертир. Один из курсантов сбежал в лес. Все его ищут. Если мы пойдем в лес, в нас могут стрелять.

— Почему? — спросил я с удивлением. — Почему он убежал в лес?

— Он сбежал, — повторил брат, будто не услышав моего вопроса. — Он убежал. Теперь он где-то в лесу.

Когда вокруг собрались остальные, мой брат несколько раз повторил новость, будто пел песню. Мы подошли к военной полиции. Наш надзиратель махнул рукой и указал на дерево, приказав отойти в сторону. Затем он рассказал о состоянии дороги, по которой мы пришли, и спросил полицейских, есть ли у них какие-то вопросы к нему. Мы отошли и остановились у корней невысокого камфорного дерева с раскидистыми ветвями. От возбуждения мы топали ногами и перекрикивали друг друга, поочередно переводя взгляд с погруженных в уныние курсантов на полицейских, задающих вопросы нашему надзирателю, и дальше — на покрытый опавшей листвой коричневый склон горы, который в лучах вечернего света казался фиолетовым. Мы понимали, что дезертир прячется где-то там. Но нам было не слышно, о чем говорят полицейские. Из-за того, что пришлось долго стоять на месте, возбуждение от новости поутихло, и настроение опять начало портиться.

Когда холодный вечерний воздух коснулся лиц полицейских и сумерки сгустились, к ним подъехал человек на старомодном велосипеде с огромным тусклым фонарем размером с собачью голову. Он заговорил с полицейскими, после чего погрузил велосипед в грузовик. Полицейские громко закричали, курсанты выстроились в колонну, и надзиратель наконец подбежал к нам.

— Ребята, полицейские сказали, что довезут нас на грузовике, — сказал он.

Мгновенно воспрянув духом, мы с криками вскарабкались в кузов. Когда грузовик с тяжелым скрипом